

Стоматологического института. По стенам развешаны иллюстрации, плакаты, диаграммы: развороченные челюсти, гниющие зубы, испуганные детские глаза: «оформление». Форма, в кровавом единстве, выражающая кровавое содержание зубной боли и бесконечных мук клиентуры зубоврачебного кабинета. А не правильней ли было бы нарушить это единство? Проконтрастовать, разорвать, уничтожить единство содержания и формы в данном случае? Украсить тяжелый путь больного к зубоврачебному эшафоту здоровыми лицами, приятными, радостными рисунками, картинками, цветами и даже музыкой? Разве такое расхождение содержания и формы не было бы разумным и отходило бы от задач социалистического реализма?

Возьмем другой пример из жизни: пример противодействия содержания и формы. Вы входите в загс счастливый, радостный, бодрый, уверенно вступающий в новую жизнь, полный надежд и веры в себя — и наткнетесь на плакат, неожиданный, нелепый: «Запись покойников направо». Что это такое? Рядом другой плакат: «Какое количество микробов попадет в человека при поцелуе?» и «А не болели ли вы венерическими болезнями?». Неуместные вопросы, ненужные напоминания.

Как видите, противоречие содержания и формы так же ответственно. Оказывается, что искать форму должно всякий раз по-новому и с таким расчетом, чтобы искусство было мудрым, рациональным и украшало бы человеческую жизнь, облегчало бы ее и направляло. Признаться, наш театр иногда не далеко уходит от указанных приемов зубоврачебного кабинета или загса. Я говорю пока лишь о своих впечатлениях по московским спектаклям. О ленинградских спектаклях воздерживаюсь высказываться: я не все видел. Принципиальное единство спектакля на основе формы, выражающей данное содержание, — ответственный и наиболее глубокий процесс творческого развития нашего советского театра.

Теперь о нашем театре. Цель Большого драматического театра должна быть в создании новой советской классики, не только в качестве новой драматургии, но и в новом качестве сценического искусства. Конечная цель Большого драматического театра заключается в том, чтобы стать лучшим, ведущим театром Советского союза. Давайте дружно работать, добиваться этого вместе, здоровым и монолитным коллективом.

После дискуссии многие задавали вопрос: где же положительная программа? Что предлагается? Как дальше следует работать? На какие позиции становиться советскому театру? По какому творческому пути двинуться дальше? Как намечается генеральная линия искусства?

Ясно одно: что советское сценическое искусство, в отличие от западноевропейского театра, направляется по своему историческому пути вверх, не отказываясь от преемственности сценической культуры. Именно сейчас, после выполнения первой и второй пятилеток, партия и правительство подошли вплотную к вопросам искусства. Нужно думать, что в самом непродолжительном времени с фронта нашего искусства уберется вся шелуха, вся накипь и муть. Дальнейший путь станет отчетливо ясным, прямым и видимым для всех. Путь западноевропейского театра — совсем иной, отличный от нашего, построенный с актерами различных школ, а еще чаще — с полным отсутствием сценической школы. Западноевропейский актерский театр — это наш театр 70-х годов. Наличие блестящих актеров за границей, в частности в Германии, лишь подчеркивает отсутствие подлинного театра за рубежом. У него нет нашей исторической революционной линии развития. Только у нас, в Советском союзе, под руководством партии и правительства, мыслимо создание нового социалистического театра. Мои творческие установки не являются единственными в Союзе. Если мы не возьмемся за осуществление насущных задач строительства советского

го театра, то за них возьмутся другие. Я предлагаю это сделать нам, не боясь трудностей, преодолевать их в борьбе. Вопросы, затронутые нами, настолько серьезны, что в практической работе мы будем сталкиваться с ними не раз и находить ряд еще новых вытекающих из них, трудных и интересных положений.

Очень хочется, чтобы коллектив Большого драматического театра в целом помогал бы строить новый театр всесоюзного значения. Первый год уйдет, вероятно, на реорганизацию и перестройку театра, на развертывание фронта боевых творческих сил его. Вряд ли мы сможем дать нужное качество в первый же год. Не нужно никого обманывать. Будем стараться достичь большего в нашей работе, большего — с учетом, с трезвым учетом, всех наших возможностей.

Будем товарищами в работе. И тогда, если нам помогут, — а нам несомненно помогут, — мы выполним с честью возложенные на нас ответственные задания. Не выйдет ничего у нас, если коллектив актеров вместо самокритики займется критиканством. Актер и режиссер в работе должны быть друзьями. Фанатическая любовь в театру, к искусству, уважение друг к другу и к работе, большая вера в то, что мы общими, только общими усилиями добьемся выполнения поставленных задач, — делает многое, делает главное. При отсутствии этих условий мы будем мешать друг другу. Единство творческого метода и сценической школы, единство и спаянность коллектива — столь же необходимые элементы для театральной работы, как и высокая техника актерского мастерства. Владение правдой своих чувств необходимо актеру самой высокой техники. Правда, простота, ясность, вера в собственные чувства, умение вызывать их, распоряжаться ими и направлять по нужному адресу — таково начало той сценической таблицы умножения, которая ведет к высшей сценической математике. Время спектаклей, равнодушных к вопросу сценической формы, миновало. Нельзя быть формалистом, но отрицать значение формы в искусстве тоже нельзя. Право на эксперимент и риск, даже право на провал, должно остаться у художника. Наша партия и правительство всегда уважают и ценят честных художников, прощают им многое и всегда помогают им. Жалок тип художника, потерявшего веру в то, что делает, — художника, который вдруг испугался своих действий, растерял свои убеждения, веру и готов делать все, что не выражает его сущности. Грош цена такому художнику. Только творческое мужество и творческая честность являются двигателями в искусстве. Трусость и равнодушие не создают искусства и не ведут к нему.

В Москву вернулась бригада артистов Большого театра СССР, выезжавшая в Красноярский край и Запорожье по приглашению Главного управления Северного морского пути.